

Д-р. ЕЛЕНА ФИЛАТОВА
Институт истории НАН Беларуси

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА БЕЛАРУСИ (1772–1869 гг.)

За прошедшие два столетия собралась достаточно большая историография по истории отдельных конфессий Российской империи в конце XVIII–первой половине XIX в. На протяжении этого значительного промежутка времени точка зрения как польских, так и российских историков практически не изменилась. Авторы этих работ не обращали и не обращают внимания на специфику территории и народов Беларуси, которые там проживали, рассматривали конфессиональную политику правительства со стороны двух конфессий: православной (если это касалось России), или католической (Польши), обращая внимание на отрицательные стороны во взаимодействии друг с другом.

Существует небольшое число исследований, в которых бы рассматривалась конфессиональная политика царского правительства в целом¹. Эти работы насыщены интересным фактическим материалом, но не достаточно теоретизированы. К числу работ теоретического плана можно отнести исследование Л. Тихомирова². По его мнению, в вероисповедной политике «монархическая верховная власть может держаться лишь на почве национальной религии», которой для Российской империи и было православие. И считал, что «единственно правильной вероисповедной политикой монархии можно признать такую, при которой монарх устанавливает религиозную свободу своих иноверных подданных не иначе, как в постоянном соглашении по сему предмету со своей церковью»³.

¹ История русской церкви: в 9 т., Москва, 1994–1997: т. 8, 1700–1917, 1997, ч.1–2; В.Г. Рыгорьева, У.Завальнюк, У.Навіцкі, А.Філатава, *Конфесіі на Беларусі*, Минск, 1998.

² Л.А.Тихомиров, *Монархическая государственность*, СПб., 1992 (впервые издана в 1905 г.), с. 413.

³ Там же, с. 465, 489.

В целом эти выводы применимы и в отношении политики царского правительства на присоединенной, после разделов Речи Посполитой, территории Беларуси и Литвы, где основным направлением политики царского правительства стало установление господствующего положения Российской империи во всех сферах жизни общества, которое проводилось и через установление господствующего положения Православной Церкви.

В конфессиональной политике правительства, как и в политике в целом, всегда, на мой взгляд, доминируют субъективные факторы. Немаловажную роль играло и личное отношение монархов к вере: деизм Екатерины II, мистицизм Александра I, православная ориентация Николая I и Александра II. В исследуемый период четко прослеживается влияние личности монарха и его окружения на последующие изменения в политике. Смена императора, а соответственно и правительства, приводила, но не сразу, к изменению политики вообще и конфессиональной, в частности. Но эти изменения были непоследовательными.

Так, православная императрица Екатерина II, декларирующая господствующее положение православной церкви, назначала католическому епископу жалованье и денежное пособие католической епархии значительно большее, чем православному епископу и епархии; униатскому духовенству, оставшемуся после указа 1794 г. без доходов, назначала пенсии, которые вообще не получало в то время православное духовенство; католическому духовенству, доказавшему свое дворянство, разрешала приобретать населенные имения, а православному – нет.

Александр I разрешил деятельность, по сути протестантского, Библейского общества, несмотря на то, что Православная и Католическая Церкви, чтобы не вызывать спорные толкования по отдельным вопросам, были против широкого распространения Библии на разных языках; практически уравнил в правах все конфессии, как христианские, так и нехристианские, подчинив их департаментам Министерства народного образования и духовных дел и т.д.

Даже в первые годы царствования Николая I католическое духовенство было значительно более обеспеченным, чем православное. Так, по сведениям на начало 1833 г. доходы православного епископа составляли до 2200 руб. в год, а католического – от 20 тыс. до 80 тыс. рублей. Доходы приходского православного духовенства составляли от 100 до 500 руб. в год, а католического – от 2 тыс. до 10 тыс. Православное духо-

венство не имело крепостных, а католическое владело 90 тыс. крепостными крестьянами, в большинстве своем униатами и православными⁴.

На лицо существует явное противоречие между декларацией монархической власти о господствующем положении Православной Церкви в законах и реально проводимой политикой в отношении иноверных исповеданий. При этом мнение православной церкви по ряду вопросов практически не учитывалось, так как монархи считали себя главой не только государства, но и всех Церквей, как христианских, так и не христианских.

Влияли на политику и личные отношения монархов с высшими иерархами конфессий (среди них Г.Конисский, С.Богуш-Сестренцевич, И.Лисовский, И.Семашко и др.). По моему мнению, если Католическая Церковь достаточно длительное время, потеряв свой господствующий статус в Российской империи, сохраняла свои богатства и влияние в крае, то в этом немалая заслуга католического митрополита С.Богуша-Сестренцевича, который управлял ей с 1773 по 1826 г.

При несогласии с местными властями высшее духовенство конфессий отправляло жалобы в Петербурге, и правительство как-то должно было реагировать на них. При рассмотрении ряда жалоб и судебных дел по конфессиональным вопросам, до принятия соответствующего решения, изучалась история их появления, выяснялись мнения соответствующих инстанций, учитывались местные обстоятельства, создавались специальные комитеты. Все это позволяло правительству принимать, в ряде случаев, на мой взгляд, достаточно объективные решения.

Так, например, в отношении «ритуальных убийств», судебные дела по которым возникали с конца XVIII в. и продолжались до 50-х годов XIX в., царское правительство заняло сдерживающую позицию, не желая допустить распрей и обострения отношений между христианскими конфессиями и иудаизмом. Даже ликвидацию Униатской Церкви можно оправдать, с правительственной точки зрения, необходимостью найти поддержку у населения, которое начало рассматриваться как часть русского, связанного с Россией своим государственным и православным прошлым.

Хотя нужно отметить и то, что правительственные указы по конфессиональным вопросам часто не выполнялись или спустя короткое

⁴S.Szantyr, *Wiadomości do dziejów kościoła i religii katolickiej panowania rossyjskiemu podległych*: w 2 cz., Poznań, 1843, cz. 2, c.105.

время о них забывали, и правительство вынуждено было повторять их снова и снова. Это было связано с тем, что на протяжении всего исследуемого периода оно не могло особенно рассчитывать на местных чиновников, которые в основном были католиками, и иноверное духовенство, так как православные чиновники и духовенство – были в меньшинстве и плохо образованными.

Учитывая влияние личности императора и его окружения на конфессиональную политику, я выделила три характерных этапа эволюции конфессиональной политики:

-1772-1796 гг. Для этого периода характерно: изучение структур конфессий, оценка состояния церковного имущества, образованности духовенства и т.д. По мере присоединения новых территорий, в результате разделов Речи Посполитой, усиливается стремление к уничтожению старых церковных структур и созданию новых. Однако, разрабатывая идеологию создания новых органов по управлению конфессиями, царское правительство в этот период практически не вмешивалось в их внутреннюю жизнь;

- 1797-1825 гг. Политика царского правительства в отношении конфессий белорусско-литовских губерний на этом этапе крайне непоследовательна. Отдельные изменения, как в руководстве конфессиями, так и в их церковных структурах, наблюдались, но в целом этот процесс не был завершен. Царское правительство фактически продолжало политику невмешательства в конфессиональную жизнь губерний, реагируя указами только по спорным межконфессиональным вопросам. Тем не менее, этот период стал переходным: от теоретического осмысления решения конфессиональных проблем к началу их практической реализации;

- 1826-1860 гг. В этот период происходит завершение процесса создания руководящих органов по управлению конфессиями и унификация церковных структур по образцу православной церкви. Идет процесс сращивания духовной и государственной власти на местах, когда все жизненно важные вопросы конфессий были поставлены в зависимость от согласия православного архиерея и губернских властей. Только в этот период на первое место в конфессиональной политике выдвигается направление по укреплению позиций Православной Церкви в белорусско-литовских губерниях.

Основными направлениями конфессиональной политики царского правительства в этих губерниях в 1772-1860 гг. стали: унификация

церковного управления и структур конфессий, укрепление на этой территории статуса господствующей в Российской империи Православной Церкви и правовое оформление межконфессиональных отношений.

Царское правительство стремилось привести управление и церковные структуры всех конфессий этой территории (православной, старообрядческой, католической, униатской, протестантской (лютеранской и реформатской), иудейской и мусульманской) в соответствие с той структурой и управлением, которое сложилось в Российской империи в результате реформ Православной Церкви в XVIII в., когда Церковь была поставлена под контроль монарха, а ее структура превратилась в разновидность государственного аппарата. Это и удалось ему сделать к концу исследуемого периода. Созданные церковные структуры практически с очень небольшими изменениями сохранялись до 1917 г.

Для установления фактического господствующего положения Православной Церкви в белорусско-литовских губерниях царское правительство идет на ликвидацию Униатской Церкви. На мой взгляд, правительство начало проводить политику, направленную на ее ликвидацию не с 80-х гг. XVIII в., как это было принято считать в историографии, а с конца 20-х годов XIX в. Проект по ее ликвидации начал осуществляться только в конце 20-х годов XIX в. Некоторые из его положений стали выполняться в 1828 г. (создание отдельной от католической – греко-униатской коллегии, запрет на подготовку духовенства в Главной католической семинарии при Виленском университете и в Риме и т.д.).

При этом правительство стремилось отторгнуть Униатскую Церковь от Католической, используя распри внутри ее. Определенную роль в этом сыграли и низкий образовательный уровень приходского духовенства, индифферентность и неграмотность униатского населения.

Присоединение к православию более 1,5 миллиона униатов способствовало увеличению численности и улучшению материального положения Православной Церкви. В результате принимаемых мер за период с 1772 по 1861 г. на территории Беларуси и Литвы увеличилось число православных верующих и епархий. Если в 1772 г. было только одна Белорусская епархия, то в 1860 г. их было четыре – Полоцкая, Могилевская, Минская и Литовская.

Но автоматическое причисление бывших униатов к православию вызвало их недовольство, которое выражалось в пассивном отношении

к делам веры, а в некоторых случаях и волнениях (например, в Дерновичском приходе Дриссенского уезда Витебской губернии волнения бывших униатов продолжались до конца 50-х годов). После ликвидации Униатской Церкви почти два десятилетия шла «разборка» бывших униатов между Католической и Православной Церквями. Православное духовенство и прихожане белорусско-литовских губерний приобрели в результате присоединения очень сильный униатский оттенок, который вызывал у правительства и русской Православной Церкви определенное недоверие к местному православию.

Политика царского правительства в отношении Католической Церкви на протяжении исследуемого периода была крайне непоследовательной. Декларируя недоверие к ней, оно, тем не менее, не желая обострять отношения с дворянским сословием белорусско-литовских губерний, стремилось, как можно меньше вмешиваться во внутренние дела этой Церкви. О заигрывании с Католической Церковью, отсутствии четких позиций в ее политике свидетельствует факт передачи на некоторое время католическому митрополиту управления Униатской Церковью. Вместе с тем предпринимались всевозможные меры, чтобы ослабить влияние Папы римского и генералов католических монашеских орденов, которые оказались за пределами империи.

Реальные же шаги по ослаблению католичества и ее роли в белорусско-литовских губерниях начали предприниматься царским правительством только после восстания 1830–1831 гг. Указы о секуляризации недвижимых населенных имений иноверного духовенства от 25 декабря 1841 г. и 10 мая 1843 г., которые передавали имения католического духовенства в ведение и управление Министерства государственных имуществ, ослабили материальное положение Католической Церкви. Но, тем не менее, к середине XIX в. католичество, потеряв статус господствующей Церкви, смогло сохранить свое влияние.

В исследуемый период не получили четкого законодательного оформления межконфессиональные отношения. Они регламентировались не только законодательством Российской империи, но и исторической традицией, что особенно характерно для смешанных браков и воспитания детей от них. Определенное влияние на межконфессиональные отношения оказывала миссионерская деятельность христианского духовенства.

Так, католическое духовенство не только занималось миссионерской деятельностью в Сибири, в Финляндии, на Кавказе и даже в Север-

ной Америке (иезуитские миссии в начале XIX в.), но и среди христианских конфессий западных губерний, в частности, и среди униатов. А униатское духовенство – не только среди православных (о чем свидетельствуют десятки дел в 136 фонде – Минская православная духовная консистория), но и среди протестантов (жалоба лютеранского пастора в Полоцке). Что же касается православия, то и оно не являлось исключением. Именно в результате миссионерской деятельности епископов Георгия (Конисского) и Виктора (Садковского) произошли переходы (а не переводы) униатского населения в православие, но очевидно, что оно не долго в нем задержалось. Ряд перегибов в этом вопросе со стороны местных губернских властей существовал, но правительство официально этого не требовало, а наоборот, заявления о переходах должны были проверяться местными властями, чтобы не было обвинений со стороны верующих в нарушении правил.

Переходы 30-х годов, связанные с именем православного епископа Смарагда (А.Крыжановского), которые он в своей хорошо сохранившейся многочисленной переписке так и называл «миссией», вызвали недовольство правительства, за что его переместили на другую кафедру. Смарагда просто не поставили в известность об уже подготовленном правительственным проектом о полной ликвидации Униатской Церкви, а его миссионерская деятельность вызвала достаточно сильные волнения униатских верующих и недовольство униатских епископов И.Семашко и В.Лужинского.

На протяжении всего исследуемого периода наблюдались переходы, обусловленные желанием выйти замуж за иноверца или вернуться к вере своих родителей, стремлением занять более высокую должность, воспользоваться правами другого сословия или уклониться от уголовной ответственности, а также личным интересом к другому вероисповеданию, желанием уйти в монастырь и т.д. Однако они не носили массовый характер.

Переходы были как добровольные, так и принудительные. Добровольные переходы – это единичные переходы по заявлению, а также решения прихожан изменить веру вместе со своим священником. Принудительными были переводы еврейских детей в христианство без согласия их родителей; переходы, осуществляемые под давлением местных властей на униатов, старообрядцев, католиков, не желавших добровольно переходить в православную веру и т.д. И добровольные, и принудительные переходы не всегда проходили безболезненно, зачас-

тую они вызывали распри между духовенством разных конфессий, столкновения с местными властями, жалобы в Петербург и соответствующие распоряжения, и указы со стороны царского правительства.

Распространение переходов из одного вероисповедания в другое, часто приводило как бы к стиранию различий между тремя основными конфессиями Беларуси. Так, униаты, жители одной деревни, добровольно могли за короткое время (особенно это было характерно для конца XVIII–начала XIX в.) перейти в православие, затем вернуться в униатство, а через некоторое время перейти в католичество. При этом оставалось все то же церковное здание и священник.

Нормой были и смешанные браки. Правительство стремилось законодательно отрегулировать вопросы, как о заключении этих браков, так и о воспитании детей, рожденных в таких браках. Традиционно мальчиков воспитывали в вере отца, девочек – в вере матери. Но указ Св. Синода от 22 января 1840 г. разрешал православному приходскому духовенству заключать браки между православными и иноверцами только при наличии расписки о том, что дети от этого брака будут воспитываться в православной вере. А в 1845 г. в законодательство были внесены положения об ответственности за приобщение детей от смешанных браков «к обрядам другого христианского вероисповедания». За нарушение этого решения родители могли быть лишены всех прав состояния и быть сосланными на поселение либо заключены в тюрьмы⁵.

Одним из сложных аспектов межконфессиональных отношений были так называемые «ритуальные убийства», что особенно характерно для территории белорусско-литовских губерний конца XVIII–первой половины XIX в. Распространению слухов о ритуальных убийствах способствовали не только духовенство христианских конфессий, но и выкресты, которые, очевидно, сводили, таким образом, счеты с еврейским обществом.

Рассмотрение ряда таких дел, выяснение истории их появления привели в 1817 г. к указу, согласно которому запрещалось обвинять иудеев в убийстве христианских детей «без всяких улик по единому предрассудку, что якобы они имеют нужду в христианской крови». Хотя такого рода судебные дела возникали и в 20–50-х годах, царское правительство заняло в отношении их сдерживающую позицию, не желая допустить распрей и обострения отношений между христианскими конфессиями и иудаизмом.

⁵ Развитие русского права в первой половине XIX века, Москва: Наука, 1994, с. 171.

К концу изучаемого периода наметился еще одно направление в конфессиональной политике царского правительства – это русификация конфессиональной деятельности (делопроизводство на русском языке, открытие школ и народных училищ на русском языке, попытки использования русского языка в богослужении и т.д.). Окончательно оно формируется уже в 60-е гг. XIX в.

KONFESINĖ CARINĖS VYRIAUSYBĖS POLITIKA BALTARUSIJOJE (1772–1869)

Jelena Filatova

Santrauka

Per pastaruosius du šimtmečius susikaupė gana daug istoriografinės medžiagos apie atskiras Rusijos imperijos konfesijas XVIII a. pab.–XIX a. pirmojoje pusėje.

Straipsnyje apžvelgiama konfesinė carinės vyriausybės politika Baltarusijoje įvairiais laikotarpiais. 1772–1796 m. laikotarpiu siekiama panaikinti senąsias bažnytines struktūras ir sukurti naujas. Carinė valdžia šiuo laikotarpiu faktiškai dar nesikišo į konfesijų vidaus gyvenimą.

1797–1825 m. laikotarpiu carinė valdžia toliau vykdė nesikišimo į konfesijų gyvenimą politiką, tik įsakais reaguodavo į konfesijų tarpusavio ginčus.

1826–1869 m. laikotarpiu baigiamas konfesijų vadovaujančių organų kūrimas ir bažnytinių struktūrų unifikavimas pagal stačiatikių Bažnyčią. Pradedamas dvasininkų ir valstybės valdžios „susidėjimas“, visi svarbūs konfesijų klausimai sprendžiami stačiatikių archijerėjo ir gubernijų valdžios. Šiuo laikotarpiu svarbiausia buvo stiprinti Stačiatikių Bažnyčios įtaką Baltarusijoje ir Lietuvos gubernijose.

THE CZARIST GOVERNMENT'S CONFESSIONAL POLICIES IN BELARUS (1772–1869)

Jelena Filatova

Summary

The establishment of the dominance of the Orthodox Christian Church as a tool for imperial influence was the major trend in the Russian Empire's confessional po-

licy in Belarus. In 1772–1796 the policy was one of non-interference in the internal policies of confessions, but this was modified in 1797–1825 when the authorities issued decrees to settle disputes between confessions. In 1826–1869 the policy shifted to one of actively supporting the influence of the Orthodox Church by giving it a voice along with the Russian authorities in regulating confessional relations.